Золушка
для
дикого горца
18+
РОКСИ НОКС

Сказочный Кавказ

Рокси Нокс

Золушка для дикого горца

«Автор»
2026

Нокс Р.

Золушка для дикого горца / Р. Нокс — «Автор», 2026 — (Сказочный Кавказ)

Отец продал меня за долги.И теперь целый год я должна жить в горах у незнакомого мужчины — готовить ему еду, убирать и не задавать лишних вопросов. Джамбулат молчит, смотрит исподлобья и пугает одним своим существованием. А по ночам Да, он навещает меня. И я не имею права сказать ему «нет»НОВАЯ СЕРИЯ "СКАЗОЧНЫЙ КАВКАЗ", 4 ИСТОРИИВ КАЖДОЙ ИСТОРИИ МНОГО СЮЖЕТНЫХ АРТОВ, ПОЛНОЕ ПОГРУЖЕНИЕ.

© Нокс Р., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 11
Глава 4 15
Глава 5 18
Глава 6 21
Глава 7 26
Конец ознакомительного фрагмента. 28

Рокси Нокс
Золушка для дикого горца

Глава 1

Отец не смотрел мне в глаза.

Это я заметила первым делом, когда вошла на кухню, вернувшись с работы. Он сидел за столом, смотрел в чашку с чаем, который давно уже остыл, и пальцами мял угол скатерти.

Я знала этот жест. Он делал так, когда проигрывался. Или когда собирался сказать что-то, от чего мне будет плохо.

– Пап, привет, – сказала я и поставила сумку с продуктами на стул. – Ну что опять?

Он поднял голову. Глаза красные, будто он не спал вечность.

– Сядь, Хана.

– Я стою нормально.

– Сядь, говорю.

Я села. Сложила руки на столе и с щемящим чувством стала ждать. За окном лаяла соседская собака, по трубам что-то гудело – старый дом, старые трубы.

– Я задолжал, – сказал он наконец.

– Знаю.

– Много.

– Сколько на этот раз?

Он назвал сумму, и я внутренне ахнула. Такие деньги мне не заработать нянечкой в саду ни за год, ни за два!

– Пап, ты же обещал. После того раза ты обещал… - смотрю на него с упреком.

– Я знаю, что обещал.

– Тогда зачем?!

– Мне казалось, что я отыграюсь.

Четыре слова, которые я слышала уже раз сто. Может, двести. С тех пор как умерла мама и отец нашёл себе это занятие – проигрывать деньги и верить, что в следующий раз ему обязательно повезёт.

Я встала и прошлась по кухне:

– И что теперь? В суд подадут?

– Нет, – сказал отец. И голос у него какой-то странный, тихий слишком. – Там… не такие люди. Они не в суд пойдут.

Я остановилась.

– А куда?

Он встал тоже. Подошёл к окну, повернувшись ко мне спиной. За окном серый двор, серое небо и голые деревья – середина осени, самое тоскливое время.

– Кредитор согласен на другое, – сказал отец. – Сказал, что возьмёт долг на себя. Выплатит за меня. Если…

– Если что?

Пауза. Долгая. Я слышала, как он дышит.

– Если ты поедешь к его брату. Жить.

Я не сразу поняла. А когда поняла – не поверила. Потому что такого не бывает. Потому что на дворе не средние века. Потому что я ему дочь, а не вещь на полке!

– Повтори, – сказала я очень тихо.

– Хана…

– Повтори, что ты только что сказал.

Он обернулся. И вот тут я увидела в его глазах стыд. Самый настоящий, мучительный стыд человека, который знает, что делает что-то непоправимое, но уже не может остановиться.

– Ты не волнуйся… Его зовут Джамбулат. Он из горного района. Живёт один. Ему нужна… помощь по хозяйству. Ты будешь там жить, вести дом, год – не больше. Брат его говорит – тебя не обидят. Он мне слово дал.

– Слово дал, – повторила я.

И вот тут что-то во мне сломалось, громко и страшно, как ломается то, что долго держалось из последних сил.

– Пап, ты понимаешь, что ты творишь? Ты понимаешь?!

– Хана, послушай…

– Нет, это ты послушай! – Я шагнула к нему. – Я твоя дочь! Твоя! И мамина! Ты помнишь маму вообще? Помнишь, как обещал ей? Как стоял у ее мертвого тела и говорил, что позаботишься обо мне?

– Хана, не надо…

– Как это не надо?! – Слёзы уже текли, я их не замечала. – Я работаю, отдаю тебе половину зарплаты на содержание дома, и молчу про твои долги, молчу про твоих дружков, которые приходят ночью! Я за всё молчу! А ты меня продаёшь! Из-за денег, которые проиграл!

– Это не навсегда…

– Год! – закричала я. – Год моей жизни! Я даже не знаю, кто этот человек! Вдруг он…

Я не договорила. Не смогла. Потому что не хотела произносить вслух всё то страшное, что могло случиться там, в горах. Бесчестье – в лучшем случае. В худшем – систематическое насилие и унижение.

– Он не тронет тебя, пообещал же, – сказал отец тихо.

– Ты веришь обещаниям незнакомого мужика?! – Я схватила его за рукав – впервые в жизни. – Пап, пожалуйста! Давай я найду деньги, возьму кредит, буду пахать на двух работах, на трёх – только не это! Я прошу тебя! Папа…

Я не помню, когда последний раз говорила ему «папа» вот так – по-детски, со слезами. Наверное, когда умерла мама. Тогда мне было восемь. Потом в нашей жизни появилась мачеха Марьям и ее завистливые дочери – Саида и Наиля. Они поселились в нашем доме, как три полноправные хозяйки.

Марьям работает в богатом доме сиделкой, но все деньги тратит на своих дочек. Сводные сестры не освоили пока профессий, обе ленивы, сидят дома, в своих комнатах, смотрят турецкие сериалы и ждут выгодного предложения о замужестве.

– Хватит истерик! – сказал отец, одёрнув руку. – Хватит выть!

– Пап… - смотрю на него ошарашенно.

– Хватит, сказал! – Он повысил голос, и я отступила на шаг, боясь, что он поднимет на меня руку. – Ты думаешь, мне хорошо?! Ты думаешь, я от жира это делаю?! Если я не отдам – они придут сюда, ты понимаешь? Сюда придут! И что тогда?!

– Иди в полицию!

– В какую полицию, Хана, очнись!

– Тогда продай что-нибудь, займи у своей жены Марьям, придумай же что-нибудь – ты же взрослый мужчина! Неужели это выход?

– Придумай! – Он засмеялся коротко и злобно. – Легко тебе говорить! Ты всю жизнь только и делаешь, что живёшь за мой счёт и умничаешь! Хоть раз, хоть раз в жизни… - Он задохнулся и замолчал на секунду.

А потом выкрикнул – и это ударило меня в грудь, как кулаком:

– Будь хоть чем-то полезной!

Тишина.

Собака за окном замолчала. Трубы перестали гудеть. Будто весь дом задержал дыхание.

Он смотрел на меня – и по лицу его прошла какая-то эмоция. Понимание, наверное. Того, что он только что сказал.

– Хана, я не…

– Я тебя услышала, отец. Когда он за мной приедет? Или сам отвезешь? – зло смахнула слезу.

– Джамбулат уже здесь. Сейчас ты с ним познакомишься.

Несколько секунд ничего не происходило. А потом открылась дверь.

Я ожидала чего угодно и приготовилась к худшему – к толстому самодовольному мужику, к старику с клюкой, к золотым зубам и масляному взгляду.

Но он оказался совсем другим…

Глава 2

Саида узнала об этом первой.

Не знаю, как – может, подслушивала под дверью, может, отец сам ей сказал. Она стояла в дверях моей комнаты с ядовитой ухмылкой.

– Я всё знаю, – сказала сводная сестра.

Я сидела на кровати, складывая вещи в сумку. Саида на два года старше меня, высокая, ухоженная, с вечно поджатыми губами. Её мать Марьям – вторая жена отца, и с тех пор они с сестрой Наилей жили здесь. В нашем доме.

А я так и не привыкла к их присутствию.

– Наиля! – крикнула Саида куда-то в коридор. – Иди сюда, она собирается!

Наиля появилась быстро. Младшая, ей семнадцать лет, похожа на сестру, только мягче лицом и иногда немного добрее.

Они встали в дверях рядом и со злорадством смотрели, как я укладывала свитер.

– И что, прямо вот так поедешь? – спросила Наиля. – К какому-то деду в горы?

– Ему сорокет, – сказала Саида с удовольствием. – Ты хоть представляешь? Совсем старик.

– Отлично представляю, - ответила я.

Воскресила в памяти образ, который видела несколько минут назад. Высокий, настоящий великан. Широкие плечи, тёмная одежда, тёмные волосы с сединой на висках, ухоженная густая борода и острый кинжал на бедре. Отец дал понять, что если не пойду сама – то меня поведут силой.

– Говорят, он нелюдимый совсем, – продолжала Наиля. – Живёт один, ни с кем не общается. Наверное, страшный, как… Саида, как кто?

– Как горный тролль, – хихикнула старшая.

Я аккуратно сложила второй свитер. Потом третий. Думала о том, насколько там холодно – в горах осенью.

– Хана, ну скажи хоть что-нибудь, – сказала Наиля, и в голосе её было что-то похожее на любопытство. Наиля вообще была не злая – просто шла за старшей сестрой, как собачка на поводке. – Тебе же страшно?

– Нет, – соврала я.

– Врёшь.

– Да пусть врёт. – Саида пожала плечом и осмотрела мою комнату взглядом хозяйки, которая уже прикидывает, что здесь переставить. – Слушай, а комната теперь освобождается… Нам больше не надо тесниться в одной комнатушке.

– Саида, – воззвала я. – Я ещё не уехала!

Она улыбнулась, и я почувствовала, как у меня сводит скулы.

– А что, тебе жалко? – сказала она. – Ты здесь вообще-то не хозяйка. Никогда и не была. Дом принадлежит отцу.

– Зато ты, значит, хозяйка?

– Ну, ведь папа нам с Наилей ничего такого не предлагал. – Она выдержала паузу. – Наверное, мы ему дороже, чем ты.

Внутри меня что-то дрогнуло. Я почувствовала это физически – как будто кто-то ткнул пальцем прямо в синяк. Отцу и в голову не придет продать кого-то из падчериц, ведь Марьям устроит ему взбучку даже за такие мысли. А меня некому защитить…

– Заткнись, – сказала я тихо.

– Что? – Саида приподняла брови. – Обиделась? Хана, ну смотри на вещи реально. Отец нашёл тебе хорошее применение.

– Саида, хватит, – сказала Наиля неуверенно, вполголоса.

– Нет, пусть скажет, – я встала. – Пусть договорит. Ты хочешь сказать, что я сама виновата?

Саида пожала плечом с видом человека, которому скучно объяснять очевидное.

– Я хочу сказать, что не надо быть такой… беспомощной. Жила бы своим умом, давно бы съехала, и никто бы тебя никуда не отдал. А так – ну сама посуди. Двадцать два года, работаешь за копейки, всё отдаёшь отцу. Ты не дочь, ты – прислуга. Была прислугой здесь, теперь будешь прислугой там. – Она кивнула куда-то в сторону окна. – Но есть нюанс. В горах у тебя будут новые приятные обязанности.

– Саида! – Наиля дёрнула сестру за рукав и сделала большие глаза.

– А что? Правда глаза колет?

Я промолчала, потому что знала – если открою рот, то скажу что-то такое, что спровоцирует громкий скандал. Или заплачу. Одно из двух.

Саида посмотрела на меня. Что-то в моём лице, видимо, её раззадорило, и она сделала шаг вперёд.

– Хана, ты вообще думаешь, что он с тобой будет делать там? Один, в горах, целый год? Думаешь, правда только полы мыть? Придется греть ему постель, это же очевидно.

– Саида, хватит! – Наиля дернула сестру за рукав.

– Молчи, – бросила та ей в ответ, не оборачиваясь.

Я почувствовала, как горло сжимается от ужаса. Потому что именно об этом я и думала каждую минуту – о своем предстоящем бесчестье. По истечение года, если меня вернут домой, на меня же больше ни один мужчина не посмотрит.

– Ты не знаешь, о чём говоришь, – сказала я дрожащим голосом.

– Зато ты знаешь? – Саида засмеялась. – Хана, ты наивная дурочка. Думаешь, одинокий голодный мужик не оприходует тебя в первую же ночь? Серьёзно?

– Прекрати!

– Или что? Заплачешь?

И вот тут я реально заплакала.

Не потому, что она меня сломала. Просто не выдержала. Слёзы пришли сами, неожиданно, как всегда бывает, когда держишься слишком долго.

Я отвернулась к окну, стиснула зубы, но было уже поздно – голос всё равно предал, дрогнул.

– Убирайтесь отсюда, – сказала я. – Обе.

Тишина.

Потом Наиля сказала тихо:

– Саида, пойдём. Оставь ее.

Саида отходит от двери и шепчет уже из коридора:

– Не обижайся, Хана. Я просто говорю, как есть. Лучше знать всё наперед, чем потом неприятно удивиться.

Дверь не закрылась – они просто ушли, оставив её открытой. Как будто даже закрыть ее за собой было лень.

Я стояла у окна и смотрела на серый двор. Слёзы текли сами по себе, я их не вытирала. Думала – вот ведь, умная Саида. Знает, куда бить, чтобы вывести меня на эмоции.

Собравшись, я взяла сумку и вышла.

Джамбулат стоял в нашей маленькой прихожей, и его присутствие делало её ещё меньше. Отец что-то говорил рядом, а он слушал или делал вид, что слушал.

Когда я вышла, он посмотрел на меня.

Я ждала чего угодно. Оценивающего взгляда – такого, каким смотрят на товар. Ждала ухмылки, или наоборот – недовольства, что так долго собиралась.

– Одна сумка? – спросил он, забирая у меня вещи.

– Да, – сказала я.

Он кивнул. Повернулся к отцу.

– Мы уезжаем.

И всё. Больше ни слова.

Я посмотрела на него украдкой. Профиль жёсткий, скулы резкие. Дикий горец, в присутствии которого боишься сказать хоть одно лишнее слово.

Слова Саиды крутились в голове – я гнала их, а они возвращались.

Думаешь, мужик сорока лет взял тебя полы мыть, оприходует в первую же ночь!

Глава 3

Джамбулат вёл машину молча, будто меня рядом не было вообще.

Я украдкой косилась на его профиль. Прямой нос, тяжёлая челюсть. Небольшой шрам над бровью – старый, давно зажившей. Интересно, откуда? Интересно вообще, кто он такой, этот человек? Что делает в горах один? Почему один?

– Вы давно знакомы с моим отцом? – набравшись храбрости, спросила я.

Пауза. Секунды три.

– Нет.

– А как вы вообще…

– Через людей.

Через людей. Понятно. Исчерпывающий ответ. Через каких людей? Кто решал мою судьбу за игорным столом? Я почувствовала, как внутри поднимается что-то горячее – злость, обида, чувство острой несправедливости.

Город давно закончился. По обеим сторонам дороги тянулись поля – пустые, осенние, серо-жёлтые. Небо низкое, ватное. Ещё утром у меня была своя комната, своя жизнь – маленькая, пусть и не очень счастливая, но я сама себе принадлежала.

А теперь что?

– Там, куда мы едем… – снова начала я. – Там есть магазин хоть какой-нибудь?

– Есть.

– Далеко от дома?

– Километров двадцать.

– Двадцать, – повторила я. – Понятно.

Двадцать километров до магазина. Один человек рядом. Перспектива пугала, что тут сказать.

Я почувствовала, как что-то холодное проходит по спине – медленно, от шеи вниз. Воображение включилось само, как оно умеет, в самый неподходящий момент. Дом в уединении. Никаких соседей вокруг. И этот опасный человек рядом – большой, закрытый, непонятный. Что ему нужно от меня?

– А связь там есть? Телефон ловит?

Он помолчал чуть дольше обычного.

– Иногда.

– Что значит иногда?

– Значит – не всегда.

Я сцепила пальцы на коленях. Не могла молчать, но и злить его тоже не хотелось.

– А соседи? Рядом есть кто-нибудь?

Джамбулат повернул голову. Первый раз за дорогу – посмотрел на меня раздраженно.

– Ты боишься? – спросил он.

– Нет, – ответила немедленно.

– А зря.

Я уставилась на него, хлопая ресницами.

– Что – зря?

– Зря не боишься. Горы не прощают беспечности.

Он не стал говорить: не бойся, всё будет хорошо, я нормальный человек. А ведь мог бы успокоить! Любой другой утешил бы. Хотя бы из вежливости сказал бы что-нибудь необязательное и пустое, но тёплое. А этот ничего не сказал! Как будто моё спокойствие его не касалось.

Или ему было всё равно.

Ты боишься?

Да. Боюсь.

Боюсь так, что под рёбрами кусается что-то живое и холодное, и никак не унять это неприятное чувство.

Боюсь этого молчания, этих огромных рук на руле, этого нелюдимого лица, по которому ничего нельзя прочитать.

Боюсь того, что сказала Саида. Боюсь того, чего она не сказала – потому что не все страхи помещаются в слова.

Но показывать это я не собиралась. Ни за что.

***

Горы начались незаметно.

Сначала просто холмы по бокам стали выше. Потом дорога пошла на подъём – плавно, почти неощутимо. Я посмотрела в окно и увидела, что слева уже не поле, а склон, поросший лесом – тёмным, густым и беспросветным.

Дорога сузилась. Разметка пропала. Асфальт стал хуже – с трещинами и заплатками. Джамбулат не сбросил скорость, просто вёл ровно, привычно, как человек, который ездил здесь тысячу раз.

Потом дорога повернула, и я увидела горы.

Они стояли прямо перед нами – огромные, тёмные, с острыми гребнями, похожими на зубы. Небо над ними синее резкое, без той ватной мягкости, что висела над городом. Снег лежал на вершинах.

Красиво.

– Всевышний, – сказала я тихо.

Джамбулат покосился на меня – быстро, боковым зрением.

– Первый раз так близко видишь? – спросил он.

– Я еще ни разу не выезжала из дома так далеко.

– Скоро привыкнешь, – сказал он. Пауза. – Или нет.

Я посмотрела на него.

– Что значит – или нет?

– Некоторые не привыкают. Горы давят. Не всем подходит – жить вот так. Когда они со всех сторон.

– А вам подходит?

– Мне – да.

Воображение снова включилось – само, без спроса. Вот дом где-то там, между этих скал. Вот я внутри. Вот он входит в мою комнату, и деваться мне некуда, потому что горы со всех сторон, и связи нет, и двадцать километров до магазина…

Дорога шла вдоль обрыва. Я старалась не смотреть вниз. Там была пропасть, в которой клубился туман.

Лес по правую руку сменился скалами. Голыми, серыми, в рыжих подтёках от воды.

Дорога снова повернула. Теперь мы ехали выше – серпантин, плавный, но ощутимый. Уши чуть заложило. Я сглотнула.

– Ещё долго? – поерзав, спросила я.

– Минут сорок.

Мы ехали уже два с лишним часа. За это время он сказал мне от силы тридцать слов. Да уж, разговорчивым его не назовешь.

Здесь темнело быстрее, чем в городе. Горы съедали свет с боков, и сумерки приходили раньше и гуще.

Я смотрела на дорогу впереди – узкую, уходящую в темноту между скалами – и думала, что это похоже на то, как я въезжаю в следующий год своей жизни. Узко. Темно. И не видно, что там меня ждет…

***

Фары погасли, и я увидела дом. Каменный, с мансардой.

Джамбулат открыл мою дверь. Я вышла, и холод ударил сразу, резко – с запахом хвои и камня.

– Холодно, – сказала я, застыв в нерешительности.

– Октябрь, – ответил он.

Затем взял мою сумку из багажника и пошёл к двери. Мне ничего не оставалось, как пойти следом.

В углу большой комнаты стояла печь – широкая, побелённая, с чугунной дверцей. От нее шло тепло.

Я огляделась.

Чисто.

Я ожидала запущенности – ну, мужчина один, в горах. Думала, будет грязная посуда, пыль, беспорядок. Но нет. Пахло деревом и чем-то травяным, немного дымом.

– Твоя комната, – сказал Джамбулат и кивнул на дверь в глубине.

Я прошла. Открыла дверь.

Небольшая комната. Кровать у стены – железная, с матрасом, застелена серым одеялом. Узкий шкаф. Окно – маленькое, выходит на тёмный склон. Всё.

Я поставила сумку на кровать.

– Туалет во дворе? – спросила я, не оборачиваясь.

– Нет. В конце коридора.

– Это хорошо.

Я обернулась. Он стоял в дверях, не заходил. Просто стоял, смотрел на меня. Ждал чего-то, или ничего не ждал – не поймёшь. Я напугана до смерти. Впервые наедине с мужчиной, да еще и на его территории.

– Ужин, – сказал он наконец. – На плите.

И ушёл.

На кухне стоял казан с мясом. Лепёшки лежали под полотенцем. Я смотрела на еду и думала: он же приготовил это всё заранее. Знал, что буду голодная после дороги.

И это выбивало из колеи больше, чем если бы он был груб. Грубость я понимала, к ней я храбро готовилась. А тут казан, лепёшки под полотенцем, чтобы не высохли – и это не укладывалось в ту картину, которую я нарисовала себе за долгие часы дороги.

Я ела и краем глаза следила за дверью. Джамбулат не появлялся. Тихо было за стеной – только дрова потрескивали в печи.

Может, пронесёт. Может, сегодня и не тронет?

Глава 4

После ужина я убрала со стола. Вымыла тарелку и поставила сушиться.

Шаги Джамбулата услышала раньше, чем он вошёл. Он встал в дверях кухни и сказал:

– Иди помойся, – сказал он. – Ванна свободна.

Это был приказ, завёрнутый в тонкую обёртку бытовой заботы.

– Спасибо, я может быть, позже, – ответила неуверенно, не глядя на него.

– Потом уже будет поздно. Иди сейчас. На полке найдешь бритвенный станок, воспользуйся им, если нужно. А я буду ждать тебя, – добавил он.

Я обернулась и непонимающе посмотрела на него. Джамбулат стоял передо мной в одной майке, открывающей его рельефные плечи. Свет керосиновой лампы и свечей падал на него, очерчивая жёсткие линии мышц. Он был красив той опасной красотой, от которой внутри всё сжималось, но не от восхищения, а от страха.

– Где ждать?

Он взглянул на меня так красноречиво, будто вопрос был глупым. Или неуместным. Кивнул куда-то в сторону коридора – туда, где была его комната.

– В своей спальне.

– А… зачем?

– Тебе разве не сказали, для чего ты здесь? – нахмурился мужчина. В его голосе прорезалось раздражение, будто я тратила его драгоценное время.

– Мне сказали: вести хозяйство. Убирать, готовить… – перечислила я, чувствуя, как слова вязнут в горле. С каждой секундой во рту становилось всё суше, а в груди разрастался ледяной ком.

Джамбулат хмыкнул, коротко и резко.

– Хозяйство? – переспросил он, делая шаг ко мне. – Хана, я мужик хоть куда, и сам себе хозяин. Ты здесь по другой причине.

– Тогда… – прошептала я, чувствуя, как к горлу подкатывает тошнота.

– Ты здесь, – медленно, чеканя каждое слово, произнес он, – чтобы дарить мне наслаждение. Мне сказали, ты на всё согласна.

И вот тут я всё поняла.

Что меня жестоко обманули. Продали, как шлюху, какому-то мерзавцу отшельнику, которому стало скучно в глуши. В голове зазвенело, и я услышала собственный пульс – глухие, тяжёлые удары. Все эти разговоры про «работу по хозяйству» были ложью. Саида оказалась права!

– Тебе уже заплатили, так что не пытайся набить цену, изображая наивность, – бросил он раздраженно. – Иди уже, помойся. Я не люблю, когда попусту тянут время.

Я кивнула. Не потому, что согласилась. Просто мне нужно было, чтобы он замолчал. Чтобы перестал смотреть на меня этим тяжёлым, раздевающим взглядом.

– Хорошо, – сказала я. – Дайте мне немного времени.

Он отошел, и я рванула из кухни.

В ванной прислонилась спиной к двери и стояла так секунд десять, просто дышала, борясь с паникой. Мой собственный отец предал меня. Отправил в глушь, к чужому мужчине, зная, для чего я здесь на самом деле. Знал – и ничего не сказал. Смотрел мне в глаза и врал.

Гнев поднялся в груди горячей волной. Я стиснула руки в кулаки, впиваясь ногтями в ладони. Одно дело пугать себя страшилками, и другое – что они оказались правдой.

«Желаю тебе, отец, чтобы тебя мучила совесть, – подумала я с такой злостью, что даже удивилась самой себе. – Чтобы ты не спал ночами, вспоминая моё лицо, когда я садилась в ту проклятую машину! Чтобы деньги, которые ты получил, сгорели у тебя в руках. Чтобы каждый рубль напоминал тебе, кем ты торгуешь».

Затем я подняла голову и посмотрела на окно. Оно небольшое, под потолком. Ванна, а точнее повешенный чан, нагревался дровами. Но я так зла и несчастна, что мне сейчас не до купания.

Не соображая, что творю, встала на железную конструкцию, которая служила полкой, нажала на ручку и почувствовала, как она поддаётся.

Холодный воздух ударил в лицо сразу – горный, резкий, с запахом хвои и ночи. Снаружи была темнота.

А прыгать в темноту в горах – это не очень умная идея.

Но остаться – хуже.

Какое наслаждение может подарить неопытная девственница?

Сунула руку в карман. Телефон на месте. Да и что с ним делать в глуши? Бесполезный совсем!

Я подтянулась на руках. Протиснулась в окно плечом, нащупала ногой снаружи – там был карниз.

Спрыгнула.

Приземлилась на прошлогоднюю листву вперемешку с травой, колени подогнулись, но устояла. Темнота плотная.

Я повернулась и пошла, потому что бежать в горах ночью по незнакомой дороге можно ровно до первого обрыва.

За спиной дом стоял тёмным квадратом. Я не оборачивалась. Сделала насколько шагов, но вдруг резко остановилась.

Звук разорвал тишину ночи – протяжный, леденящий душу вой. Он поднялся откуда-то слева, из темноты, низкий и гортанный, полный голодной тоски. Вой оборвался так же внезапно, как начался, и на мгновение наступила мёртвая тишина.

И тут меня накрыло осознание.

Побегом я обрекаю себя на смерть. Здесь нет дорог, нет людей, нет спасения. Есть только ночной холод, голодные звери и лес, в котором можно заблудиться навсегда. А в доме Джамбулат. Жестокий, грубый, но хотя бы человек.

Лучше быть проданной в сексуальное рабство, чем растерзанной волками. Не так ли?

Я развернулась. Ноги, только что несшие меня прочь, теперь тяжело и нехотя потащили обратно. Каждый шаг отдавался в груди глухой болью. Я шла к дому, и с каждым метром меня всё сильнее трясло.

Поднялась на крыльцо, подняла дрожащую руку и три раза постучала.

Тишина.

Я постучала снова, сильнее. И тогда услышала шаги. Тяжёлые, неторопливые. Он не спешил. Он знал, что я никуда от него не денусь.

Щёлкнул замок, дверь приоткрылась.

Джамбулат стоял в проёме. Всё в той же майке, босой. Он не сказал ни слова. Только смотрел на меня исподлобья, тяжёлым, непроницаемым взглядом.

– Это было глупо, – вынужденно сказала я, опустив голову. – Отсюда не уйти.

Он посторонился, пропуская меня внутрь. Я вырвусь отсюда. Пусть не сегодня, пусть не завтра. Но сбегу. И когда вернусь домой, я заставлю отца ответить за всё! Он пожалеет, что продал меня, как вещь! А Джамбулат пожалеет, что купил!

Я вошла, не поднимая глаз. Руки дрожали, зубы стучали то ли от холода, то ли от страха. Стояла в прихожей, сжимая подол платья, и чувствовала себя пойманным зверем, который сам вернулся в клетку.

Джамбулат закрыл дверь и щёлкнул замком.

– Я даю тебе сутки, – сказал он. – Привыкнуть ко мне. Понять, что я не монстр, и ты здесь для того, чтобы скрасить мой досуг. Небесплатно заметь. Скоро начнутся дожди и отсюда не выехать. Так что придется привыкать, Хана. Ты знала, на что шла. Не думал, что это будет трудно для такой, как ты.

Для такой, как я? Он что, меня проституткой считает?

Джамбулат сделал паузу и вздохнул, и в этом вздохе послышалась усталость.

– После этих суток ты приступишь к своим обязанностям, – закончил он. – Ради которых я, собственно, и привёз тебя за столько сотен километров сюда. Утром приготовишь завтрак. Каша меня вполне устроит.

Он развернулся и пошёл в спальню.

– Спокойной ночи, – тихо сказала ему вслед. Хотя бы не тронул. А мог бы и наказать за попытку побега пожестче, чем готовка еды.

Дверь его спальни закрылась. И я осталась одна в тёмном коридоре, дрожащая, униженная, но зато живая…

Глава 5

Кашу я сожгла.

Поставила казан на огонь, ушла в комнату, легла на кровать и уставилась в потолок. Знала, что сгорит. Слышала запах. Лежала и думала – ну и пусть горит! Да, это называется саботаж. Ведь Джамбулат потаскухой меня считает, и мне обидно!

Когда вернулась на кухню, каша стала чёрная по краям, склеившаяся в один горелый ком.

Джамбулат пришёл с охапкой дров. Не говоря ни слова, он взял казан и вынес его во двор. Вернулся с чистым. Достал из шкафа крупу, поставил воду. Всё делал молча, как будто меня в комнате нет.

Я сидела и кипела. Мои эмоции искали выхода.

Но Джамбулат не обращал на меня внимания. Он сварил кашу и поставил передо мной тарелку. Налил нам чаю, сел.

Я смотрела на сваренную крупу, сдобренную сливочным маслом, и думала: ну давай же, скажи мне еще что-нибудь оскорбительное! Скажи, что у меня руки не из того места растут. Скажи что угодно, за что я смогу зацепиться и ответить.

Ничего.

Ел кашу и молчал.

И это было невыносимо.

С козами его у меня тоже не сложилось.

Джамбулат показал, как доить – один раз, молча, руками показал. Я смотрела и кивала. Думала – ну, руками сжимаешь, и всё. Что тут сложного?

Но сложного было много…

Коза, которую я назвала про себя Вредина, не давалась. Крутила головой и наступила мне на ногу с таким видом, будто сделала это нарочно и осталась довольна. Вот же... коза!

Вечером я сцедила в ведро меньше половины от того, что вышло утром у Джамбулата. Остальное – мимо, на руки, на землю, один раз даже себе на подол.

Уборка тоже не задалась. Я возила тряпкой быстро, по верхам, не отодвигала стулья, не залезала в углы. Поверхностная работа.

Он опять не сказал ничего. Просто вечером я увидела, что углы уже чистые. И под стульями чисто. А у порога – которым я вовсе пренебрегла – тоже.

Переделал, пока я страдала в своей комнате, размышляя, как мне дальше жить.

Теперь я стояла посреди кухни и смотрела на эти чистые углы, и чувствовала обиду, мне почему-то хотелось топнуть ногой. Глупо, по-детски – но хотелось.

Потому что, если бы он высказал мне: плохо вымыла, переделай – я бы ответила. Нашла бы слова!

Но он не говорил. Он просто делал всё за мной.

Молча. И это выводило из себя.

– Слушайте, Джамбулат, – не выдержала я. – Вы можете хоть раз сказать, что я всё делаю не так? Можете сделать мне замечание, как нормальный человек? Покричать, в конце концов?

Он посмотрел на меня без выражения.

– Зачем?

– Потому что это нормально! Потому что люди так делают! Потому что когда вы молчите и переделываете за мной всё сам – это… это…

Я замолчала, не найдя слов. Мне еще не приходилось раньше кричать на мужчину, требуя того, чтобы он меня отругал.

– Раздражает? – подсказал он.

– Да! Именно!

– Хорошо, – просто сказал он.

– Что – хорошо? – подбоченилась я.

– Значит, будешь делать сама. Чтобы не раздражало.

Я фыркнула, а потом, как вишенка на торте, уронила банку с молоком...

Это был уже не саботаж, просто руки устали, и банка выскользнула. Образовалась белая лужа на чисто вымытом полу. Повсюду осколки.

Я не плакала. Держалась. Злилась, упрямилась, молчала в ответ на его молчание – но не плакала.

Но сейчас была близко к этому.

Схватила тряпку и бросилась убирать – быстро, на коленях, собирала осколки руками, размазывала молоко тряпкой, не очень аккуратно, зато сама, всё сама…

– Осторожно, – сказал Джамбулат предостерегающе. – Порежешься.

– Я справляюсь, – ответила, не поднимая головы.

Он прошёл мимо – к шкафу, достал совок и щётку. Поставил рядом со мной на пол.

– Молока теперь нет, – сказала я.

– Утром надою.

– Я могу сама. Просто покажите ещё раз.

Я приручу эту рогатую Вредину, чего бы мне этого не стоило!

Встала с колен. Выбросила осколки, прополоскала тряпку. Руки были холодные, пахли молоком и… в крови.

Из ребра ладони сочилась тонкая алая струйка. Должно быть, порезалась об осколок, когда собирала их вслепую, на эмоциях. Даже не почувствовала в тот момент.

– Ой…

Зажала кожу пальцами другой рукой, но кровь всё равно просачивалась, тёплая и липкая. Глупо. Всё было глупо – и этот день, и эта банка, и мои дрожащие руки, и теперь ещё и это!

Я уже хотела сунуть руку под холодную воду, когда его голос остановил меня:

– Не смей!

Я замерла. Джамбулат шагнул ко мне, и я невольно отступила назад, упёршись спиной в край стола. Он взял мою руку – осторожно, но уверенно, и я почувствовала тепло его ладони. Это было так… необычно.

– Воду нельзя, – сказал он коротко. – Тут она жёсткая, только хуже сделаешь. Сядь.

Он кивнул на табурет, и я тут же села, потому что в его голосе прозвучала та властная нотка, которая не терпела возражений.

Джамбулат отпустил мою руку и отошёл к навесному шкафчику. Открыл дверцу, и я увидела аккуратно организованные полки: стерильные салфетки, жгуты, пластыри, какие-то ампулы. Всё разложено по категориям, как в полевом лазарете.

Я призадумалась.

Он вернулся с небольшим свёртком. Присел передо мной на корточки – я впервые видела его так близко. Опущенная голова, жёсткая линия подбородка, тёмные ресницы, тень от которых падала на скулы. Он не смотрел на меня, сосредоточенно разворачивая марлю.

Рука всё ещё кровоточила, и капля упала ему на штанину. Он не обратил на это внимания.

Сначала протёр рану какой-то жидкостью из маленького флакона. Я поморщилась – защипало.

– Потерпи немного, – бросил он, не поднимая глаз. Однако в голосе прозвучало сочувствие.

Потом начал перевязывать. И вот тут я поняла, что смотрю на его руки совсем иначе.

Движения чёткие, отточенные, без лишних жестов. Он наложил марлевую салфетку ровно, без складок, потом взял бинт и обмотал палец с такой аккуратностью, будто делал это

тысячу раз. Край бинта он закрепил быстро, почти на автомате, и провёл пальцем по повязке, проверяя натяжение.

Всё заняло не больше минуты. Профессионально. Уверенно. Руки у него были большие, но двигались с удивительной точностью.

Я подняла глаза и встретилась с ним взглядом.

– Вы врач? – спросила тихо.

Он замер. Мышцы его челюсти напряглись, на скулах заходили желваки. Он стиснул зубы так, что я почти услышала скрежет эмали. Но ничего не ответил.

Поднялся, убрал аптечку на место, закрыл шкафчик и, не обернувшись, вышел из кухни.

Я осталась сидеть с перевязанной ладошкой, с ощущением его рук на своей коже и с десятком новых вопросов в голове.

Он врач? Военный? Или что-то другое? И почему он так резко замкнулся, когда я спросила?

Я посмотрела на свою руку. Бинт лежал идеально. Красиво, даже аккуратно. И от этого почему-то стало ещё тревожнее.

Он умел лечить, но молчал об этом. И это молчание говорило громче любых слов.

Так к кому же я все-таки попала, и так ли ужасен этот человек, как я себе придумала?

Ответ я узнаю уже сегодняшней ночью…

Глава 6

Перед сном Джамбулат не велел мне бриться и идти к нему в спальню. Он не сказал мне ни слова. Просто куда-то исчез.

Без понуканий я сама пошла в банное помещение. Вода в чане была теплой, значит, он постарался.

Пар поднимался густыми клубами, смешиваясь с дымом от костерка. Я скинула платье, подошла к краю и опустила ногу в воду. Тёплая. Обволакивающе-горячая, но не обжигающая. Идеально.

Я погрузилась в воду с головой.

Блаженство.

Тёплая вода обнимала тело, расслабляя мышцы, которые ныли от непривычной работы. Я откинула голову на край чана и посмотрела в окно. Горы. Звёзды. Тишина. Подо мной потрескивали дрова, и жар от них поднимался сквозь воду, согревая мне спину и ноги.

Я закрыла глаза и позволила себе просто побыть в этой тишине. Не думать ни о предательстве отца, ни о предстоящей ночи с мужчиной. Просто чувствовать тепло. И впервые за долгое время мне стало почти хорошо.

Но ровно на пять минут.

Потом в голову полезли мысли. Навязчивые и колючие, как репейник.

«Нормальный верующий человек не покупает себе женщину на зиму, – подумала я. – Нормальный человек сразу женится. Делает с избранницей никах, и приводит жену в дом, а не привозит шлюху за деньги».

Я сжала край чана так, что побелели костяшки.

Джамбулат плохой человек. Он заплатил моему отцу и купил меня, как корову на ярмарке. Он не имеет права называться мужчиной. Он дикарь, который сбежал от людей, чтобы безнаказанно делать с женщинами всё, что пожелает.

Но тут же в голову полез другой голос:

«А почему тогда он не тронул тебя? Почему дал тебе сутки, а не взял силой в первую же ночь? Почему сам доит козу и моет пол, когда ты не справляешься, а не заставляет тебя работать до седьмого пота? Почему перевязал твою руку, как заправский фельдшер, и даже не попросил спасибо?»

Я замотала головой, отгоняя эти мысли.

Нет, нет. Он не заботится. Он приручает. И делает это для того, чтобы я привыкла, расслабилась, поверила. А потом – больно ударит. Все мужчины одинаковы. Нельзя верить ни одному их доброму жесту.

Но рука, перевязанная бинтом, всё ещё хранила тепло его пальцев. И это тепло не давало мне покоя.

Я вылезла из чана. Волосы намокли, по спине стекали капли, я кое-как вытерлась, натянула чистую длинную футболку и трусы, которые прихватила с собой.

Ноги сами понесли меня к его спальне. Я не знала, зачем туда шла. Хотела что-то сказать? Поблагодарить? Поругаться? Сказать ему, что я не та, за кого он меня принимает?

Я остановилась в дверном проёме. Дверь приоткрыта, Джамбулат спал.

Он лежал на спине, одетый в тёмную футболку, и его лицо закрыто рукой – широкая ладонь лежала поперёк лица, прикрывая глаза и часть лба. Борода топорщилась в стороны, грудь мерно вздымалась.

Он спал, и во сне не казался таким пугающим. Он казался… уставшим. Измотанным. И, несмотря на грубую внешность, беззащитным.

Я постояла ещё несколько секунд, чувствуя себя глупо. Потом тихо отошла от двери и вернулась в свою комнату.

Он проигнорировал меня, что бы это значило? Сутки истекли, но мужчина почему-то не стал пользоваться своим правом. Он заплатил, он привез себе женщину, но не трогает ее. Почему?

***

Проснулась я от того, что в доме слишком тихо. Не потрескивали дрова в печи, не слышно шагов по половицам, не звякала посуда.

– Джамбулат? – позвала неуверенно.

Тишина.

Я встала, оделась и вышла в коридор. Дверь в его спальню была открыта, постель аккуратно заправлена – так, как заправляют люди, привыкшие к порядку. Подушка холодная. Он ушёл давно.

На кухне меня ждало ведро с парным козьим молоком. Сам подоил Вредину.

Ну и хорошо, – подумала я, наливая себе кружку молока. – Пусть уходит. У меня будет больше времени осмотреться, чтобы понять, куда бежать в случае зверств с его стороны.

Я покормила кур, разбросав зерно по двору, и вернулась в дом. Сварила кашу на молоке – на этот раз она не горелая и не пересоленая. Поставила две тарелки на стол. Села ждать.

Прошёл час. Второй.

Каша остыла. Я разогрела её. Потом ещё раз. Солнце поднялось выше и залило кухню золотистым светом, но аппетита не было. Я смотрела в окно на тропинку, уходящую в горы, и с каждой минутой мне становилось всё тревожнее.

«Нет, не за него я волнуюсь, – убеждала себя, теребя край платья. – За себя. Если он не вернётся, я останусь одна в этом доме. В горах, чёрт знает где. Я не знаю дороги назад. Я

не умею доить козу нормально, и я не смогу прокормиться. Волки меня съедят уже на второй день».

Я встала из-за стола и подошла к окну, вглядываясь в горизонт.

«Да плевать на него, – повторила мысленно, но в груди уже бешено колотилось сердце. – Просто если он не вернётся – это конец. Я пропаду. Поэтому я волнуюсь. Только поэтому. А вовсе не за него».

Промаявшись еще некоторое время, я вышла на крыльцо. Осенняя погода была прекрасна: солнце, лёгкий ветерок, вдалеке виднеются снежные шапки, и воздух до того чистый и прозрачный, что кружится голова. Листва на деревьях уже начала желтеть, и в свете солнца она казалась ослепительно золотой.

Я сделала несколько шагов по двору, вглядываясь в тропу. Никого.

«Не может быть, чтобы в такой чудесный день с ним что-то случилось, – подумала я. – Это было бы слишком несправедливо. Я только начала привыкать... Ну, не привыкать, а… изучать его. И вообще».

Я уставилась на дорогу и стояла так долго, что замёрзли ноги.

Солнце уже начало клониться к зениту, когда я заметила движение далеко внизу, у подножия скалистого выступа.

Фигура.

Маленькая, неразборчивая, но она двигалась в сторону дома. Шла уверенно, размеренно. С каждой секундой силуэт становился всё отчётливее. Вот уже видны широкие плечи, знакомая куртка цвета хаки, ружьё за спиной. И в руках что-то… две тушки зайцев.

Я выдохнула. Так громко, что сама удивилась. Сердце забилось быстрее, но я тут же взяла себя в руки и натянула на лицо маску равнодушия.

«Спокойно. Он просто вернулся. Ничего особенного. Я не рада его видеть. Мне просто нужно, чтобы он был жив, чтобы я могла покинуть эти края. Вот и всё».

Джамбулат подошёл ближе, и я заметила, что рубашка на нём мокрая от пота, на сапогах – грязь и мох. Он выглядел уставшим, но довольным. Остановился напротив меня, снял ружьё с плеча и прислонил к стене дома.

– Заждалась? – спросил он.

Голос низкий, спокойный. Ни намёка на издёвку, но я всё равно почувствовала, как щёки заливает краска.

– Я там завтрак приготовила, – ответила невпопад, глядя в сторону. – Остыл уже два раза. Есть будете?

Он хмыкнул и повесил зайцев на крюк у сарая.

– Сначала этих разделать надо. Мясо не ждёт.

Я хотела уйти в дом, но ноги не двигались. Смотрела на него, на его руки, которые уже доставали нож из чехла на поясе, на зайцев – серых, ещё тёплых. И вдруг сказала:

– Я вам помогу.

Он поднял на меня глаза:

– А умеешь?

– Нет. Покажете?

И он показал. Спокойно, без лишних слов и суеты, объяснил, как снимать шкурку, как подрезать сухожилия, чтобы не повредить мясо.

Я смотрела и думала, что там, где я жила, мясо приходит в магазин уже в пакете, уже порезанное, без напоминания о том, что это было что-то живое. Здесь так не работает. Здесь всё честно и без упаковки, и это неприятно, но как-то – правильно, что ли. Я не могла объяснить. Просто чувствовала.

– Одного засолим, а другого приготовим прямо сейчас. Ты когда-нибудь ела зайчатину? Нет? Тогда это дело надо исправить, Хана…

Глава 7

После того как зайцы были освежеваны, разделены и вымыты, Джамбулат развёл в печи огонь посильнее, и мы начали готовить. Вместе.

Он – главный шеф-повар, а я неумелый помощник. Он показывал, как натирать мясо солью и диким тмином, и его длинные пальцы скользили рядом с моими.

Раз – и наши мизинцы соприкоснулись на разделочной доске, вызывав сноп искр.

Два – и его локоть полоснул по моей груди, когда он потянулся за специями к полке, и сердце мое гулко застучало.

Три – и он, поправляя полено в печи, резко обернулся ко мне, заглядывающей ему через плечо, и его лицо оказалось в сантиметре от моего. От Джамбулата пахло дымом, лесом и мужским потом – терпким и острым. И я задержала дыхание.

«Нет, – билась мысль в голове. – Это неправильно. Он весь неправильный. Я не должна чувствовать к нему ничего, кроме страха или отвращения».

Но тело не слушалось. Когда Джамбулат проходил мимо, воздух словно сгущался вокруг меня. Когда он говорил низким, немного хриплым от усталости голосом, по моей спине бежали мурашки.

Я ловила себя на том, что смотрю на изгиб его шеи над воротом свитера, на то, как двигаются мышцы предплечья под кожей, когда он что-то режет. И каждый раз отводила глаза, чувствуя, как горит лицо.

Мясо в печи зарумянилось, наполнив дом запахами, от которых сводило желудок. Я накрыла на стол, поставила две тарелки, две кружки. А Джамбулат достал из тёмной кладовой толстостенный бутыль с каким-то напитком.

– Это что? – спросила я, настороженно глядя на жидкость.

– Настойка. На горных травах. Коренья, ягоды можжевельника, – пояснил он, не глядя на меня, и налил немного в обе кружки. – К дичи замечательно подходит.

– Я не пью, – сказала автоматически, вспоминая отца, который после выпивки становился либо слюнявым, либо злым.

– Сегодня выпьешь, – его голос не допускал возражений. Он пододвинул кружку ко мне. – Согреет. Расслабит. Ты весь день натянута, как струна.

Он смотрел прямо на меня, и в его глазах я не увидела ни насмешки, ни плохого умысла. Была лишь усталая уверенность человека, который знает, что делает.

Я взяла кружку и сделала маленький глоток. Огонь прошёл по горлу, разлился теплом внутри, оставив послевкусие хвои, земли и чего-то горьковато-сладкого.

– Ну? – спросил он.

– Крепко, – выдохнула я, и язык уже казался чужим.

– Ешь мясо.

Мы ели. И пили. Когда первая порция настойки разлилась по венам тёплой ленивой волной, Джамбулат налил еще.

Мясо получилось невероятным – нежным, ароматным, тающим во рту. А настойка делала своё дело: края реальности стали мягкими, расплывчатыми. Страх отступил куда-то в самый дальний угол сознания, уступив место странной, беззаботной лёгкости.

Я начала хихикать, что мне совершенно не свойственно. Когда попыталась порезать мясо ножом, но уронила его на стол. И потом, когда сказала какую-то глупость про его кур и Вредину. Джамбулат не смеялся, но уголки его глаз чуть смягчились.

– Ты славная, когда не хмуришься, – сказал он вдруг, отпивая из кружки.

Я замерла, чувствуя, как эти слова, простые и бесхитростные, падают прямо в самое сердце, наполняя его теплом. «Славная». Никто так меня не называл. Никогда.

Я отпила ещё, чтобы скрыть смущение. В комнате стало жарко от печки. Выпитая настойка и молчаливое присутствие сурового горца напротив накалили градус до предела.

Я расстегнула верхнюю пуговицу платья, и Джамбулат проследил за моим движением замутнённым от хмеля взглядом. В тот момент я даже не сообразила, что он мог принять мой жест за особый знак.

Он вдруг медленно поднялся из-за стола. Стул скрипнул по полу. Я инстинктивно вскочила на ноги, сердце подпрыгнуло к горлу. Мне стало не по себе. Легкость как рукой сняло.

– Джамбулат? – прошептала я, и голос слегка дрогнул.

Он не ответил. Шагнул ко мне. Я отступила назад, пока не упёрлась спиной в край стола. Он подошёл вплотную. От него пахло настойкой, зайчатиной и тем самым, мужским запахом, который теперь сводил меня с ума.

Он долго смотрел мне в лицо, потом его рука резко, почти грубо, обхватила мое запястье. Я вскрикнула от неожиданности, но не вырвалась.

Он развернул меня рывком, и мир сместился. Теперь я видела перед собой грубые доски кухонной лавки, тарелки, нож. А потом почувствовала, как холодный воздух коснулся моих ног.

Он задрал мою юбку.

Я замерла, не в силах пошевелиться. В ушах стоял звон от выпитого, от страха, от жгучего стыда и… от какого-то тёмного, запретного ожидания.

Его дыхание у меня за спиной стало горячим и тяжёлым.

Я поняла, что час «икс» настал. И что сопротивляться уже поздно…

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.